

Департамент образования г. Москвы
Московский институт открытого образования
Кафедра филологического образования
Московская олимпиада по истории и теории литературы

2009 год
11 класс
I тур

Задание 1.

Прочитайте стихотворение и подробно ответьте на следующие вопросы.

1. Очертите круг тем, затронутых в этом стихотворении.
2. Каковы особенности художественной формы стихотворения О. Мандельштама и как они связаны с его содержанием?
3. Назовите поэтов XIX века, которых можно считать близкими О. Мандельштаму по поэтическому восприятию мира и человека. Приведите примеры.

О.Э. Мандельштам

Мы с тобой на кухне посидим.
Сладко пахнет белый керосин;
Острый нож да хлеба каравай...
Хочешь, примус туго накачай,
А не то веревок собери
Завязать корзину до зари,
Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.

1931

Задание 2.

Прочитайте рассказ и в развернутой форме ответьте на следующие вопросы.

1. Тема Грузии, шире — Кавказа — одна из традиционных тем классической русской литературы. Назовите предшественников С.Д. Довлатова и их произведения, в которых она звучит.
2. В чем новаторство С. Довлатова в ее художественном решении? Ответ аргументируйте текстом.
3. Каковы роль и место образа рассказчика в системе персонажей?
4. И. Бродский отмечал, что рассказы С. Довлатова «написаны как стихотворения: сюжет в них имеет значение второстепенное, он только повод для речи». Согласны ли вы с мнением поэта-современника? Свой ответ аргументируйте.

Сергей ДОВЛАТОВ

Блюз для Нателлы

В Грузии — лучше. Там все по-другому. Больше денег, вина и геройства. Шире жесты и ближе ладонь к рукоятке ножа...

Женщины Грузии строги, пугливы, им вслед не шути. Всякий знает: баррикады пушистых ресниц — неприступны.

В Грузии климата нет. Есть лишь солнце и тень. Летом тени короче, зимою — длиннее, и все.

В Грузии — лучше. Там все по-другому...

Я сжимаю в руке заржавевшее это перо. Мои пальцы дрожат, леденеют от страха. Ведь инструмент слишком груб. Где уж мне написать твой портрет! Твой портрет, Бокучава Натэлла!

О Натэлла! Ты — чаша на пиру бородатых и сильных! Ты — глоток родниковой воды после драки! Ты — грустный мотив, долетевший сюда из неведомых окон! Ты — ливень, который застал нас в горах! И дерево, под которым спаслись мы от ливня! И молния, разбивающая дерево в щепки!.. Ты — юность прекрасной страны!..

Каждое утро Натэлла раздвигает тяжелые воды Арагвы. На берегу остается прижатый камнем сарафан, часы и летние туфли.

Натэлла уплывает, изменчиво белея под водой. Тихо шелестят на берегу кусты винограда «изабель». А за кустами в этот момент бушуют страсти. Там давно сидит на корточках Арчил Пирадзе, зоотехник.

Час назад Арчил Пирадзе вышел из дому.

— Арчил, — заявила ему старуха Кеке Пирадзе, — я жду. Я переживаю, когда тебя нет. Вот смотри, я плюю на крыльцо. Пока оно сохнет, ты должен вернуться.

— Хорошо, — сказал Арчил.

Старуха плюнула и ушла в дом. Тогда ее сын начал действовать. Он вытащил из-под крыльца заржавленное ружье. Потом зарядил его и направился к реке.

Теперь он сидит на корточках и ждет. Наконец смыкаются воды Арагвы. Натэлла ступает по гладким камням...

Что на свете прекраснее этой картины?! Каково это видеть Арчилу Пирадзе?! Арчилу, который приходит в беспометство даже от гипсовой статуи, изображающей лошадь?!

И тогда Арчил Пирадзе хватает свое заржавленное ружье. Он поднимает его выше и выше. Затем нажимает курок.

Дым медленно рассеивается, смолкает грохот. Затихает далекое эхо в горах.

— Это опять вы, Пирадзе? — строго говорит Натэлла. — Так я и знала. Сколько это может продолжаться?! Я давно сказала, что не буду вашей женой. Зачем вы это делаете? Зачем ежедневно стреляете в меня? Как-то раз вы уже отсидели пятнадцать суток за изнасилование. Вам этого мало, Арчил Луарсабович?

— Я стал другим человеком, Натэлла. Не веришь? Я в институт поступил. Более того, я — студент.

— В это трудно поверить.

— У меня есть тетради и книги. Есть учебник под названием «Химия». Хочешь взглянуть?

— Взятку кому-нибудь дали?

— Представь себе, нет. Бесплатно являюсь студентом-заочником.

— Я рада за вас.

— Так вернись же, Натэлла. У тебя будет все — патефон, холодильник, корова.

Мы будем путешествовать.

— На чем?

— На карусели.

— Не могу. При всем обаянии к вам.

— Я изменился! — воскликнул Пирадзе. — Учусь. Потом и градом мне все достается, Натэлла!

— Не могу. В Ленинграде, увы, ждет меня аспирант Рабинович Григорий, я дала ему слово.

— Я тоже выучусь на аспиранта. Прочту много книг. Можно сказать, я уже прочитал одну книгу.

— Как она называется?

— Она называется — повесть.

— И больше никак?

— Она называется — Серафимович!

— Лично я импонирую больше Толстому, — сказала Натэлла.

— Я прочту его книги. Пусть не волнуется.

— Тихо! — сказала Натэлла. — Вы слышите? Из-за кустов доносились нежные слова:

*Ты сказала мне — нет!
И по снегу, эх, по снегу ушла.
Был суров твой ответ,
Ночь в мученьях,
ах, в мученьях прошла...*

По дороге медленно шел киномеханик Гиго Зандукели с трофейной винтовкой. Тридцать шесть лет оружие пролежало в земле. Его деревянное ложе зацвело молодыми побегами. Из дула торчал георгин.

Завидев Натэлле с Пирадзе, Гиго остановился. Винтовку он теперь держал наперевес.

— Вы пришли, чтобы убить меня, Гиго Рафаэлевич? — спросила Натэлла.

— Есть маленько, — ответил Гиго.

— Все только и делают, что убивают меня. То вы, Арчил, то вы, Гиго! Лишь аспирант Рабинович Григорий тихо пишет свою диссертацию о каракатицах. Он — настоящий мужчина. Я дала ему слово...

Тут вмешался Пирадзе:

— Кто дал тебе право, Гиго, убивать Бокучаву Натэлле?

— А кто дал это право тебе? — спросил Зандукели. Одновременно прозвучали два выстрела. Грохот, дым, раскатистое эхо. Затем — печальный и укоризненный голос Натэллы:

— Умоляю вас, не ссорьтесь. Будьте друзьями, Гиго и Арчил!

— И верно, — сказал Пирадзе, — зачем лишняя кровь? Не лучше ли распить бутылку доброго вина?!

— Пожалуй, — согласился Зандукели. Пирадзе достал из кармана «маленькую». Сорвал зубами жестяную крышку.

— Наполним бокалы! — сказал он. Закинув голову, Пирадзе с удовольствием выпил. Передал бутылочку Гиго. Тот не заставил себя уговаривать.

— Жаль, нечем закусить, — сказал Арчил.

— У меня есть луковица, — обрадовался Зандукели, — держи. Я захватил ее на случай, если меня арестуют.

— Будь здоров, Рабинович Григорий! — сказали они, допивая...

Две недели так быстро промчались. Закончился отпуск. В нашем промышленном городе — тесно и сыро.

Завтра в одном ЦКБ инженер Бокучава склонится над кульманом. Ее загорелыми руками будут любоваться молодые, а также немолодые сослуживцы.

Натэлла шла вдоль перрона. Остался наконец позади стук колес и запах вокзальной гари. Забыта насыпь, бегущая под окнами. Забыты темные избы. Забыты босоногие ребятишки, которые смотрели поезду вслед.

Девушка исчезла в толпе, а я упрямо шел за ней. Я шел, хотя давно уже потерял Бокучаву Натэллу из виду. Я шел, ибо принадлежу к великому сословию мужчин. Я знаю, что грубый, слепой, неопрятный, расчетливый, мнительный, толстый, циничный — буду идти до конца.

Я горжусь неотъемлемым правом смотреть тебе вслед. А улыбку твою я считаю удачей!